

двенадцатисуточного перехода, протекавшего в непрерывных штормах, 26 января в 19.50 «Корсаков» и «Капитан Закхеев» благополучно пришли в родной порт.

8 февраля теплоход «Гомель» шел из Петропавловска во Владивосток. На выходе из Сангарского пролива второй механик во время промывки масляного фильтра главного двигателя обнаружил бронзовую пыль. Вскоре двигатель застучал в районе четвертого цилиндра. Цилиндр отключили и продолжили движение на семи оставшихся. С прибытием во Владивосток обнаружили повреждения подшипников и коленчатого вала, оказавшего непригодным к дальнейшей эксплуатации из-за некачественного ремонта. Ущерб от аварии составил 37 519 руб. «Вины экипажа в данной аварии не усматривается».

19 марта на порталном кране холодильника ПМРП возник пожар. Первым его обнаружил вахтенный матрос парохода «Красноярск», стоявшего у холодильника. На пароходе немедленно объявили пожарную тревогу и быстро ликвидировали возгорание. От имени руководства флота объявлены благодарности вахтенному помощнику капитана Е. П. Вятчинину, второму механику П. Е. Подшивалову, газосварщику Н. А. Жуковину, матросам Н. А. Губарец и А. Д. Цурапаеву.

30 марта на баланс Магаданскому рыбному тресту передан теплоход «Витим».

25 апреля в 23.45 моряки буксира «Москвич» заметили пожар в жилом доме на Никольской сопке в Петропавловске. Немедленно сыграли пожарную тревогу, судно последовало к месту возгорания. В 23.55 оно подошло к берегу. Команда быстро протянула шланги по обрыву высотой сорок метров, дала воду. С подходом пожарной машины моряки, взяв у пожарных тройник, стали подавать воду в три ствола. В 04.00 огонь был ликвидирован. За слаженную и самоотверженную работу благодарности от начальника УТРФ получили: капитан А. С. Олейник, второй помощник капитана П. Ф. Касюков, матросы С. П. Желтиков, П. М. Бойко, кочегар В. Д. Монайло, третий механик В. П. Оленев, второй механик А. Г. Горшков, машинисты А. С. Шкурят, Г. Т. Тресков, боцман П. Ф. Ткачук.

28 апреля списан затонувший в бухте Остовой рефрижераторный пароход «Комсомолец Арктики».

30 мая транспортный рефрижератор «Баргузин» переименован в «Юрюзань».

30 мая вследствие нарушения правил организации ремонта, выразившемся в отсутствии водоотливных средств при разобранных механизмах и трубопроводах и строгого контроля ремонта, теплоход «Завойко» утонул у причала «Фрезы». Аварийно-спасательная служба была поставлена в известность о случившемся с судном с большим опозданием.

1 июня от основной работы на месяц освобожден третий помощник капитана теплохода «Крашенинников» А. И. Касаткин. По решению технического совета УТРФ он занялся разработкой технической документации по своему предложению «Ярус вертикальный палтусовый», обещавшей большой экономический эффект на промысле.

18 июля морской буксир «Геркулес» (капитан Я. П. Кудашов), находившийся в заливе Одян, в Тауйской губе Охотского моря, в 10.00 получил указание начальника экспедиции следовать к аварийному СРТ «Андрей Николаев», наматавшему на гребной винт стальной трос. В 10.50 «Геркулес» снялся с якоря и в 22.40 подошел к траулеру. При ограниченной видимости и крупной зыби удалось быстро завести буксир, затем оба судна последовали в залив, куда пришли 19 июля в 13.50. Здесь СРТ встал к борту плавбазы «Ламут» для очистки винта.

31 августа в штормовых условиях в открытом море танкер «Вега» (капитан В. Д. Серопол) сумел передать топливо на СРТ «Ильичевск», на котором подошли к концу запасы. Траулеру угрожала опасность гибели. Экипаж «Веги» играл большую роль в морских буксировках. Работая в сложных метеоусловиях, этот небольшой коллектив безаварийно и вовремя доставлял плавсредства. За короткое время он отбуксировал одиннадцать кунгасов, два катера и баржу. Во время проводок при силе ветра до восьми баллов нередко обрывались буксиры, но благодаря слаженности, отличной выучке моряки смогли благополучно доставить все плавсредства в пункты назначения.

10 сентября морская инспекция УТРФ преобразована в службу мореплавания. Начальником назначен капитан дальнего плавания Г. А. Козырев, некогда бывший начальником Камчатрыбфлота. Новые структуры служб мореплавания 3 августа своим приказом № 362 утвердил начальник Главдальвостокрыбпрома.

12 ноября организована школа передового опыта. В нее зачислен командный состав судов, стоявших в порту. Занятия проводились один раз в неделю с 09.00 в помещении Красного уголка УТРФ на ул. Ленинской, 38. Присутствовать были обязаны все свободные от вахт. Неявка без уважительной причины считалась прогулом.

30 декабря за отличную работу в шестом году семилетки почетными грамотами УТРФ награждены экипажи «Беринга», «Елизово», «Лиры» и «Геркулеса».

План грузоперевозок 1964 г. моряки перевыполнили. При задании 153 000 т перевезли 174 185 т (113,8 %). Транспортными работами занимались 33 судна, из них: 13 рефрижераторных и холодильных, 14 сухогрузов, 3 танкера и 3 морских буксира. Бездействовали из-за задержки в ремонте 7 судов: «Петр Соловьев», «Атласов», «Алдома», «Юрюзань», «Иртыш», «Максим Горький» и «Добрыня». Из работавших план по тоннам и тонно-милям выполнили 26 судов, только по тоннам – «Соболево», только по тонно-милям – «Завойко», «Хоста» и «Тилички».

Наиболее высоких показателей на грузоперевозках достигли: «Плутон» (193,8%), «Повенец» (169,8%), «Шелихов» (155,0%), «Елизово» (144,9%). Среди буксирных судов первенствовал «Сигнальный» (278,3%), от него довольно сильно «отставал» «Геркулес» (170,0%). Среди танкеров первенствовала «Лира» (167,2%).

Пароходы-ветераны «Щорс» и «Якут» в 1964 г. как плавбазы не работали. Они доставляли грузы в промысловые экспедиции и вывозили оттуда готовую продукцию и полуфабрикаты. «Якут», как и в прежние годы, одно время сдавался в аренду Петропавловскому рыбокомбинату.

Транспортный флот снизил убытки против плана на 1 806 тыс. руб. и против прошлого года на 1 201 тыс. руб. Малые суда значительное время работали на собственные нужды УТРФ, расходы на их содержание были отнесены на стоимость продукции.

1. ГАКК. Ф. Р-470 «Камчатское производственное объединение рыбной промышленности». Оп. 2. Ед. хран. 176, 178—180, 334—336, 509—510, 677.

2. Там же. Ф. Р-275 «Открытое акционерное общество “Ордена Ленина управление тралового и рефрижераторного флота” (ОАО УТРФ)». Оп. 4. Ед. хран. 119, 121, 124, 129, 179, 182, 185, 188—189, 192, 247, 251, 253, 255, 256, 258, 264, 323—328, 331—332.

3. «За высокие уловы» (многотиражная газета УТРФ) 1962—1963 гг.

Н. С. Гаврилова КАРЛ ЯНОВИЧ ЛУКС. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ ЗАБЫТОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ СЕВЕРА

В 2012 г. научный сотрудник Камчатского краевого объединенного музея (КГБУ ККОМ) Н. А. Конышева представила вниманию участников XXIX Крашенинниковских чтений статью, основанную на поступившей в 2011 г. в фонды музея коллекции архивных документов, принадлежавших известному этнографу Елизавете Порфирьевне Орловой. В ходе дальнейшего изучения фонда Е. П. Орловой среди ценных своей неповторимостью фотографий, раскрывающих перед нами жизнь человека Севера, черновых набросков, рукописных статей, рисунков, были обнаружены уникальные документы, посвященные деятельности Карла Яновича Лукса. Несмотря на то, что К. Я. Лукс внес большой вклад в развитие культуры и образования народов Севера, в настоящее время наука и общественность не располагают его подробным жизнеописанием. Краткая биография К. Я. Лукса содержится в Большой Советской Энциклопедии. Других широкодоступных источников сведений о нем не найдено.

В фондах КГБУ ККОМ представлены следующие документы, содержащие ценные сведения о жизни и судьбе К. Я. Лукса. Это автобиографии, датированные 1925 и 1929 гг., представленные в черновом и исправленном вариантах, машинописные статьи «Проблема письменности у туземных народов Севера», «Историческое решение», стенограммы речей о просветительной работе, проводящейся среди народов Севера, хроно-карты, предназначенные для учета суточного расхода времени, заполненные им в 1924 г. Особый интерес представляют статьи и заметки Е. П. Орловой, лично знакомой с ним, посвященные жизни и творчеству исследователя, в том числе – рукопись «Памяти К. Я. Лукса – революционера, скромного и большого человека, отдавшего всю жизнь без остатка борьбе за права рабочих, борьбе за ликвидацию социального и национального неравенства».

Именно из этой памятной статьи можно узнать об обстоятельствах, при которых произошло знакомство молодого, начинающего этнографа Е. П. Орловой и члена Комитета Севера при президенте ВЦИК, руководителя работы по народам Севера Дальнего Востока К. Я. Лукса. Впервые они встретились в Хабаровске в 1925 г., где Елизавета Порфирьевна, юная выпускница этнографического факультета Ленинградского географического института, направлявшаяся на

Камчатку на практику, побывала проездом. Карл Янович увидел желание молодого исследователя посвятить свою жизнь этнографической науке и пригласил ее на работу в Дальневосточный Комитет Севера при ВЦИК в Хабаровске.

Особую ценность среди документов, раскрывающих жизнь К. Я. Лукса, имеет автобиографический очерк, названный им «От Прибалтики до Дальнего Востока», написанный в 1925–1926 гг. по предложению общества бывших политкаторжан. Очерк объемом в сто двадцать две страницы машинописного набора с авторскими правками представляет собой пожелтевшие от времени листы, передающие колорит эпохи. Он привлекает внимание читателя пронзительным повествованием о нелегких годах юности и молодости автора, насыщенных неповторимыми событиями.

Карл Янович Лукс родился 1 (14) марта 1888 г. в Курляндской губернии (ныне – Латвийская Республика), недалеко от местечка Фрауэнбург в усадьбе Эглытес («Елочка»). Он был третьим ребенком в крестьянской семье. Его появление на свет оказалось весьма драматичным. Отец Карла Яновича, будучи человеком, легко поддающимся влиянию своей сестры-знахарки, решил, что рождение и воспитание еще одного ребенка принесет их небогатой семье одни убытки. Сестра, то есть тетка К. Я. Лукса, уговорила отца продать ребенка семье «серого» барона – выходца из городских мастеров и рабочих – домовладельца, торговца, промышленника (1, с. 9), жена которого не могла иметь детей. «За несколько месяцев до моего рождения, – пишет К. Я. Лукс, – жаждавшая ребенка клиентка устроила маскарад с подушкой; за некоторое время до родов муж клиентки был выпровожен на довольно отдаленную ярмарку и инсценированы роды» (1, с. 15).

Но коварному замыслу отца и тетки не суждено было осуществиться. Мать Карла Яновича отказалась продать своего сына. «Не помогли ни уговоры, ни обещания хорошего вознаграждения, ни запугивания трудной перспективой летней страды с маленьким ребенком на шее. В результате получился, конечно, скандал: “клиентка” обиделась, тетя-знахарка лишилась заработка, распропагандированный тетей отец был недоволен лишним ртом» (1, с. 15).

С детства привыкший к труду: с семилетнего возраста он начал пасти скот, зимой помогать отцу при заготовке дров, а с одиннадцати – работать пастухом, Карл как нельзя лучше понимал несправедливость подчиненного, зависимого положения крестьянина. Он вспоминал, что испытывал неприятные чувства, когда хозяин усадьбы, где работал юный Лукс, рассуждал о способах обмана, выплате заниженного вознаграждения батракам. В сердце Лукса-подростка уже зародилось стремление бороться за справедливое отношение и уважение к труду простого человека.

После окончания сельской школы, куда, как и все крестьянские дети, он ходил только зимой, так как остальное время трудился, Карл поступил в двухклассное училище Министерства народного просвещения. По окончании училища он хотел продолжить обучение, поступить в учительскую семинарию, но, понимая тяжелое материальное положение родителей, был вынужден принять другое решение.

Уехав в Либаву (ныне Лиепая), поступив младшим матросом на двухмачтовый парусник, совершавший рейсы между Либавой и странами Балтийского моря, Карл Лукс становится членом рабочего социал-демократического кружка, где уже состоял его старший брат. Нечестное поведение матросов послужило причиной ухода молодого моряка с судна. Найти новую работу было непросто, и Карл погрузился в подпольную работу. Во время ярмарки во Фрауэнбурге он решил распространять агитационные листовки, подкладывая их в сани приехавших. По неопытности Карл не догадался для конспирации поместить листовку и в свои собственные сани. «Когда поднялся переполох, явились городовые и начали обшаривать сани, отсутствие зловредного листка на наших санях не могло не броситься в глаза» (1, с. 29).

Пропагандистская работа, а также «причастность» к небольшой вооруженной дружине послужили поводом для первого ареста тогда лишь семнадцатилетнего Лукса. Всего же в молодые годы он неоднократно оказывался в тюрьмах Либавы, Санкт-Петербурга, Лодейного Поля, Петрозаводска, Каргополя, Шлиссельбурга и Орла.

Пребывание двадцатичетырехлетнего Карла Лукса в Орловском центре оказалось одним из самых суровых. Сюда он попал из знаменитой «государевой» башни Шлиссельбурга вместе с группой заключенных, отправленных в Орел «на усмирение». В первую же ночь, проведенную в центре, его избili сразу шесть надзирателей, вломившихся в камеру. Благодаря большой физической силе он дал отпор этому свирепому полчищу, но затем, выбившийся из сил, был связан. Один из надзирателей со словами: «Будешь еще требовать вежливого обращения?» каблуком своего сапога наступил на пальцы связанных ног Лукса. Причиной такого жестокого обращения тюремных

служащих стало требование Лукса не обращаться к нему на «ты». «Развязали меня только на другой день вечером, продержав связанным около двадцати часов. В результате веревки ввелись в тело до костей, кисти рук и ступни, из-за нарушенного кровообращения, распухли и почернели, так что владеть ими было невозможно» (1, с. 66).

Варварское поведение надзирателей побудило всех шлиссельбуржцев объявить голодовку, причем это решение бывшие узники «государевой» башни приняли самостоятельно, не сговариваясь. Карл Янович не принимал пищу в течение девятнадцати дней. Он пишет: «Решил проверить себя следующим опытом: хлеб не выбрасывал, а складывал на столике, желая проверить, не появится ли желание есть. Первое время вид хлеба иногда, действительно, привлекал внимание, но с шестого дня это прошло совершенно. Воду пил, хотя в первые дни бросил было и ее» (1, с. 69).

Стоическое поведение Лукса вызвало настоящую оторопь у опытных надзирателей. Те не ожидали, что человек способен добровольно подвергать себя такому наказанию. «Потом уже я демонстративно копил хлеб и на вопросы отвечал: “Пригодится, какому-нибудь нахалу по башке съездить”». На одиннадцатый день голодовки Лукс против воли начал подвергаться искусственному кормлению от «двух коновалов-фельдшеров и очередных надзирателей» (1, с. 69). Этот же день жизни Карла Яновича был отмечен следующим «ослаблением»: служивший ему «кроватью» асфальтовый пол камеры был заменен койкой с подушкой и одеялом. Карцерное положение было снято.

Три дня спустя в камере Лукса появился необычный сосед. Администрация орловской тюрьмы посадила в камеры Лукса и товарищей кавказцев, ничего не понимавших по-русски. По ее представлениям, те, пообедавшие и ужинавшие, уж точно вызовут у голодающих узников желание присоединиться к трапезе, незнание языка не позволит начать «распропагандировать» нового соседа, а тот факт, что кавказцы отбывают наказания за убийства, не позволит узникам притеснять их. Но подобные рассуждения оказались ошибочными.

Подсаженный в камеру Лукса знал несколько слов по-русски, к тому же общение позволили наладить мимика и жесты. При таких, весьма необычных, обстоятельствах, будущий ректор Института народов Севера начал увлекаться национальными языками и культурой. Карандашом, при помощи которого происходила запись новых слов, послужила игла, а листком бумаги – тюремная стена, на которой будущий исследователь выцарапывал только что изученные выражения. «И нужно было видеть, как вытянулись лица большого и малого начальства, когда они услышали, что мы дружно разговариваем. Пробыл мой мнимый “искуситель” у меня трое суток, и когда ему велели собирать вещи, я демонстративно прощался с ним по-карачайски, используя весь свой запас карачайских слов и еле удерживаясь от хохота, смотря на недоуменные рожи присутствовавших при этом надзирателей» (1, с. 71).

В результате голодовки тюремное начальство было вынуждено пойти на уступки и удовлетворить требования заключенных. Через некоторое время заведующий одиночным корпусом сообщил Луксу, что бывшие узники Шлиссельбурга уже прекратили голодовку, получив заверение, что больше не подвергнутся необоснованной агрессии со стороны надзирателей.

Испытывавший тягу к знаниям, Лукс не смог продолжить обучение сразу после окончания училища. Он пишет, что неосуществившаяся мечта побудила его начать серьезную самостоятельную работу по изучению европейских языков. Находясь в тюрьме, получив доступ к библиотеке, Карл Лукс познакомился с грамматикой классических языков, прочитал много книг на английском, немецком, французском, польском, итальянском. Кроме того, изучал математику, доведя занятия «до сферической тригонометрии и морской астрономии» (1, с. 76).

После четырех лет пребывания в орловском центре двадцативосьмилетний Лукс, заработавший туберкулез, был отправлен в ссылку в Сибирь. Затем была работа конторщиком в Камышенском цементном заводе, счетоводом общества потребителей, уездным комиссаром г. Нижнеудинска, в Красном Кресте, Межпартийном Читинском революционном комитете первого состава. С 1919 г. партизанил и воевал, последовательно занимая должности уполномоченного крестьянского повстанческого штаба, члена штаба, начальника штаба отряда, начальника штаба Восточно-Забайкальского фронта, командующего участком фронта и командующего фронтом. В 1921 г. Лукс завершил военную службу, и стал заведовать национальными делами буферной Дальневосточной Республики; затем стал председателем Центрального Дальневосточного комитета помощи голодающим Советской России. В 1923 г. Карл Янович переходит на работу в акционерное общество «Книжное дело» в качестве заместителя, а затем – председателя правления.

Страницы биографического очерка раскрывают внутренний мир автора, а также характеризуют историко-социальную обстановку того времени. В 1926–1928 гг. Карл Янович –

уполномоченный Главнауки и директор краевого музея в Хабаровске, затем – заместитель председателя комитета Севера при Далькрайисполкоме. Вершина его карьеры – назначение в 1929 г. ректором Ленинградского института народов Севера. Благодаря деятельности Лукса была организована научно-исследовательская ассоциация института, занимавшаяся разработкой систем письменности и алфавитов для шестнадцати народностей Севера и созданием первых книг на этих языках. В ассоциацию вошли педагоги высокого уровня, знатоки языков народов Севера и, конечно же, представители коренных народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока. Первые книги на четырнадцать языках вышли в свет в 1931–1932 гг.

«Выполнив эту задачу, наладив в ленинградской научно-исследовательской ассоциации работу по созданию письменности и передав бразды правления Я. П. Кошкину, К. Я. Лукс вернулся в Хабаровск на работу в Комитете Севера» (5, с. 38). В это время его больше всего интересовал вопрос о национальном районировании на границе между Дальним Востоком и Бурятской АССР, в ведении которой оставались три национальных района (Усть-Майский, Оймьяконский, Западнотундренский), населенные почти исключительно тунгусскими народностями, стремившимися к национальному самоопределению, но угнетаемые якутскими националистами.

Это побудило исследователя отправиться в экспедицию, оказавшуюся последней. Его провожали коллеги, знакомые, в том числе Елизавета Орлова. Она вспоминает, как Карл Янович поздно, в темноте (поезд из Хабаровска во Владивосток отправлялся в два часа ночи) сел в черную машину и оправился в командировку, из которой он никогда не вернется. . .

Впервые Карл Янович отправился в путешествие не один, а в качестве руководителя группы комплексной экспедиции. Он приглашал принять участие в ней и Орлову, но Елизавета Порфирьевна готовила к печати первые буквари на алеутском, эскимосском, ительменском языках, поэтому от поездки отказалась.

Роковое событие произошло 29 августа 1932 г. Карл Лукс погиб на Чукотке, в районе р. Чаун. Смерть наступила в результате огнестрельного ранения: он случайно выстрелил в себя из винчестера. В последних словах Карла Яновича, обращенных к членам экспедиции, заключался смысл его жизни: «Настаивайте на продолжении работ по обследованию малых народов – чукчей, эвенков, не считаясь ни с чем, невзирая на жертвы, какой ценой бы не стало, продолжайте работу по обследованию Восточной и Западной тундр, самых отдаленных мест, населенных народностями. . .».

Вскоре после похорон К. Я. Лукса участники экспедиции самостоятельно приняли решение о ее завершении, хотя Дальневосточный Комитет Севера настаивал на продолжении исследований. Они вернулись в Хабаровск с экспедиционными деньгами и личными вещами Лукса. А Карл Янович навсегда остался там, погребенным на берегу бухты Амбарчик.

Родившийся в латвийской провинции, побывавший во многих прекрасных и удивительных по красоте уголках России, он навеки остался в суровом и таинственном краю, изучению которого посвятил значительную часть своей короткой, но яркой жизни. Несмотря ни на какие преграды через всю нее он пронес желание добиться справедливости и уважительного отношения к людям, любовь и стремление к знаниям, веру в то, что задуманное должно осуществиться.

Статья основана на архивных документах из фондов КГБУ ККОМ.

1. Лукс К. Я. От Прибалтики до Дальнего Востока. Воспоминания и автобиографический очерк. Хабаровск, 1924–1925. 122 с.

2. Лукс К. Я. Автобиография (рукопись). Хабаровск, 1925. 8 с.

3. Лукс К. Я. Автобиографическая справка. В коммунистическую фракцию комитета Севера при ВЦИК (черновой вариант). Б. м., 1929. 11 с.

4. Лукс К. Я. Автобиографическая справка (исправленный вариант). Б. м., б. г. 6 с.

5. Орлова Е. П. Памяти Карла Яновича Лукса (рукопись). Новосибирск, 1964. 47 с.

Н. К. Гаврилова

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИНСТИТУТА ВУЛКАНОЛОГИИ И СЕЙСМОЛОГИИ

15 января 2013 г. исполнилось 50 лет научной библиотеке Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН.

История библиотеки тесно связана с историей Института. Известно, что созданию Института вулканологии предшествовало образование в 1959 г. Камчатской комплексной экспедиции Совета

по изучению производительных сил (ККЭ СОПС) при Президиуме АН СССР и Камчатской геолого-геофизической обсерватории (КГГО) СО АН СССР.

Наука и научно-исследовательская деятельность не могут существовать без информационно-библиотечного обеспечения. В «Объяснительной Записке к заявке на штаты Камчатской комплексной экспедиции СОПС при Президиуме АН СССР» за подписью заместителя начальника Камчатской комплексной экспедиции Б. Ф. Шапалына и Ученого секретаря Н. В. Дмитриева читаем о «необходимости создания на Камчатке достаточно хорошо оснащенной научной библиотеки, без которой не могут быть организованы исследовательские работы». Начальником ККЭ и одновременно директором КГГО был Б. И. Пийп, который приложил немало сил для создания научной библиотеки. 29 февраля 1960 г. он пишет Председателю СОПСа академику В. С. Немчинову: «Камчатская комплексная экспедиция вместе с Камчатской геолого-геофизической обсерваторией. . . создала свою научную библиотеку. Библиотека комплексного профиля, рассчитана на быстрый рост библиотечных единиц. Прошу Вас разрешить передать библиотеке Камчатской комплексной экспедиции из библиотеки СОПСа имеющиеся фондовые материалы по Камчатке». Эта просьба рассматривалась на заседании Бюро СОПСа. 28 марта 1960 г. Бюро постановило: «Передать Камчатской экспедиции фондовые материалы, в том числе и специальные, а также дублетную научную литературу, имеющуюся в библиотеке СОПСа» (протокол № 15, п. 9).

10 мая 1960 г. выходит распоряжение по Камчатской комплексной экспедиции АН СССР № 66: «Для приема и учета книг библиотеки Геолого-геофизической обсерватории создать комиссию. . .». Данное Распоряжение явилось началом создания библиотеки Камчатской геолого-геофизической обсерватории АН СССР, предшественницы научной библиотеки Института вулканологии. Обязанности заведующей библиотекой КГГО выполняла младший научный сотрудник Фаина Михайловна Резник.

12 октября 1961 г. Ф. М. Резник передала фонд исполняющей обязанности заведующей библиотекой сотруднице КГГО Нонне Николаевне Авдейко, которая в дальнейшем возглавила библиотеку Института вулканологии.

1 июня 1962 г. в штат КГГО по переводу из Камчатской областной библиотеки на должность заведующей библиотекой КГГО была зачислена Ирина Георгиевна Шолохова (Распоряжение по Камчатской геолого-геофизической обсерватории СО АН СССР № 171).

7 сентября 1962 г. был создан Институт вулканологии СО АН СССР. А 19 января 1963 г. издается приказ по Институту вулканологии СО АН СССР: «. . . считать с 15 января 1963 года действующими в составе Института вулканологии следующие научные структурные подразделения. . . и) **Центральная научная библиотека**». Библиотека Института считалась центральной, ее филиалы были на Камчатской вулканологической станции в пос. Ключи и на Паужетской контрольно-наблюдательной станции. Основой книжного фонда научной библиотеки ИВ стали 7 000 экземпляров научной литературы Камчатской геолого-геофизической обсерватории. Кроме этого в фонды центральной научной библиотеки ИВ была передана литература из библиотеки вулканостанции, отобранная специальной комиссией из числа научных сотрудников.

Библиотека, как никакое другое подразделение, живо реагирует на любые преобразования в Институте, которые можно проследить по библиотечным штампам. Изменения в направлении научных работ отражаются на тематике комплектования фонда.

Название «Научная библиотека Института вулканологии» просуществовало до апреля 2004 г. В связи с Постановлением Президиума РАН в результате реорганизации путем слияния Института вулканологии ДВО РАН и Института вулканической геологии и геохимии ДВО РАН 20 апреля 2004 г. был образован Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН. С этого момента библиотека Института вулканологии переименована в **Библиотеку Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН (библиотека ИВиС ДВО РАН)**.

На заре своего существования библиотека занимала 3 комнаты в здании Института на ул. Пограничной, д. 3. Одна была отдана под книгохранилище, другая была рабочей комнатой сотрудников, а в третьей располагался читальный зал. В нем стояли маленькие фанерные столики, обитые черным дерматином, на них – настольные лампы. У стены – самодельный фанерный стенд для выставок литературы. Позднее, когда фонд литературы значительно увеличился, под хранилище были выделены еще 2 комнаты.

В 1973 г. библиотека переезжает в новое здание на бульваре им. Б. И. Пийпа. Общая площадь помещений, занимаемых библиотекой, – 298,5 м². В библиотеке – большой читальный зал. В нем